Но больше всего меня беспокоили дети, наблюдавшие за этой сценой, что может плохо сказаться на их воспитании.

— Вы меня извините, конечно. Но не могли бы вы убрать меч при детях, и давайте просто поговорим…

Но мужчина был настолько потрясён, что, похоже, не слышал меня.

— Это то, что многие люди не могли сделать в течение многих лет, но как, чёрт возьми…

Затем он бесконечно выставлял меня злой ведьмой, говоря, будто я промыла мозги детишкам или что я применила запрещённую чёрную магию.

Не слишком ли это?..

Я подняла палец, чтобы возразить, но скорее всего меня неправильно поняли, со стороны показалось, будто я собиралась применить магию. Кончики моих пальцев покалывали, будто они были в огне.

Знания ведьмы в моей голове постепенно начали открываться для меня.

Поток мыслей был довольно мощным, но неустойчиво колебался независимо от того, сосредотачивался ли на этом заклинатель.

Но здесь есть рыцари.

Когда я взглянула на рыцарей, выстроившихся внутри хижины, мужчина яростно закричал, думая, что я обдумываю побег.

— Я спросил, что ты сделала?!

— О нет. Ты не должен кричать перед детьми. Это их только напугает.

Как и ожидалось. Лука, который, плача, цеплялся за свою левую ногу, разразился ещё большими слезами.

Я протянула руки, чтобы утешить Луку. Ребёнок попытался подбежать ко мне, но тут же был остановлен мужской рукой.

Крик разнёсся эхом по моей тесной хижине, и у меня начала раскалываться голова.

Я глубоко вздохнула и медленно встала.

— Если вам это интересно, я была бы рада…

Кончик меча мужчины продолжал следовать за мной. Но до тех пор, пока я не попытаюсь сбежать, я не думаю, что меня убьют. Вы должны знать, что это за запрещённый поступок – есть морковь.

Когда я подняла вилку со стола, лезвие меча мужчины коснулось моей шеи совсем близко.

Неважно, насколько я ведьма, что я могла бы сделать вилкой?

Я спокойно вонзила вилку в пирог на столе.

— …Что ты делаешь?

Когда я протянула вилку в руке, мужчина посмотрел на меня сверху вниз ещё более дрожащими глазами, чем раньше. Я улыбнулась, размышляя о доброте.

— Мой морковный пирог. Не хотели бы вы попробовать его?

Но почему? Его лоб наморщился.

— Значит, это всё-таки дело в нём.

— Что?

— Этот пирог. Дети едят какие-то зелья вместе с этим вкусным пирогом, перед которыми они не смогли устоять.

— …Вы серьёзно не умеете общаться.

— Ты всё ещё пытаешься сделать меня своей марионеткой своим особенным заклинанием. Таким образом ты хочешь прибрать к рукам Герцогство.

У этого человека столько заблуждений. Я тупо уставилась на мужчину, стоявшего передо мной.

— Неужели ты думала, что я поддамся на такой мелкий трюк?

— Если бы я была действительно злой ведьмой, стала бы я использовать этот мелкий трюк?

Что вы думаете о людях? Я привыкла к тому, что меня всегда неправильно понимали, но спустя столько времени я впервые начала злиться.

— Вы заперли таких замечательных малышей и издевались над ними.

— Издевалась над ними?

Я попыталась оценить его ошибки, но Великий Герцог только продолжал наставлять на меня свой меч.

— Как могли дети захотеть жить в моей хижине, а не в роскошном особняке?

Теперь его вопрошающий взгляд обратился к детям.

— Вы попытаетесь отругать их за то, что они раскрыли ваше жестокое обращение?

— Извините меня, но сейчас не время обращать свой гнев на детей. Вместо этого вам следует оглянуться назад на свои поступки.

Однако Герцог не ответил мне и приказал молодому человеку своего возраста, стоявшему рядом с ним:

— Дэниел, возьми эту штуку. Нам нужна проба.

Это был морковный пирог, тщательно приготовленный мной, и каштан, на который он указал глазами, как будто видел грязь, назвав его "этой штукой".

Я не хотела отдавать, но осторожно протянула ему блюда. Ничего не выйдет, даже если вы это проверите. Другими словами, это была возможность снять ложное обвинение. Когда мужчина по имени Дэниел получил пирог и взял его, Герцог приказал детям.

— Луна, Лука. Немедленно идите к экипажу.

Ох, насчёт этого.

Я сделала движение пальцами. Открытая дверь кабины с грохотом закрылась, и её тут же заперли.

— Я не думаю, что вам следует забирать детей.

Глаза у всех округлились, когда они увидели, как я заперла дверь одним жестом.

Тут же солдат, стоявший рядом, дёрнул дверь, но она не поддалась.

Эта хижина может и выглядела хилой и неряшливой, но на самом деле она ничем не отличалась от любого другого здания.

Увидев, что в маленькой каюте была мощная охранная магия, я предположила, что это сделал первоначальный владелец моего тела.

— Почему ты не можешь открыть её?

— Немедленно принеси топор!

Герцог, который наблюдал за солдатами внутри и снаружи хижины, пытающимися взломать дверь, потому что они не могли её открыть, приказал мне:

— Открой дверь немедленно.

— Нет, я слышала, ты бросил детей.

— В чём вы меня обвиняете?

— Если они вернутся в резиденцию Эрцгерцога, вы снова попытаетесь посадить детей в тюрьму.

— Разве мы сейчас не в тюрьме?

Эрцгерцог хмыкнул, стиснул зубы и оглянулся через плечо. Он указывал на дверь, за которой скулили солдаты.

— Кто запер нас сейчас?

Хм, он не ошибается. Было ли это слишком опасно? Я снова применила магию своей рукой, чтобы высвободить всю силу на двери.

— Взамен пообещай быть хорошим опекуном для детей.

— С каких пор ведьма-людоедка требует от меня быть хорошим опекуном?

Эрцгерцог фыркнул, медленно откидывая серебристые волосы, которые в изумлении упали ему на лоб.

— Если я обыщу это кострище и найду доказательства того, что ты ешь людей, я немедленно казню тебя.

— Нет! Хейзел не ест людей!

— Она дарит цветы.

— Лунабель, Лука. Поторопитесь и садитесь в карету.

Эрцгерцог отдал твёрдый приказ детям, свисавшим с его ног, но они не двинулись с места.

— Хейзел тоже того стоит, чтобы поехать с нами.

— Это точно. Давай возьмём её в качестве нашей няни.

— Что?

Мужчина уставился на Луну дрожащими глазами, удивляясь. Ему было трудно понять детишек, почему они просят взять меня в качестве няни.

— Что, чёрт возьми, сделала эта ведьма? Теперь ты контролируешь моих брата и сестру?

Я потеряла волю опровергать повторяющиеся сфабрикованные обвинения и предположения и вздохнула.

— Ни за что!

— Нет! Ты ворчливый Король Демонов!

— А-а-а… Я не уйду без Хейзел.

Лука сидел на полу и плакал.

В моей маленькой хижине царил полный беспорядок.

— Каштаны. (примечание переводчика: так она их называет.)

Дети, которые плакали и кричали, остановились и посмотрели на меня.

Единственным предположением было то, что даже Эрцгерцог замолчал и посмотрел на меня удивлёнными глазами.

— Остановитесь и идите домой.

Это было то, чего я действительно не хотела говорить.

Однако ни по закону, ни по крови я не имела права настаивать на том, что буду воспитывать детей, поскольку Герцог был фактическим опекуном детей.

— Я напишу вам. Если вы не умеете читать, попросите кого-нибудь другого прочитать это.

Уголки губ Луны, которая смотрела на меня обиженными глазами, опустились.

— Вы тоже пишите письма.

Эрцгерцог может не разрешить нам обмениваться письмами.

Тогда у меня был другой вариант. Иногда я посылала Леди или Дейзи для связи.

Чтобы я всегда могла видеть, что Эрцгерцог на самом деле хорошо обращается с детьми.

С лицом, ярким, как клубника, Луна потянула брата за ноги.

— Обещай мне, что ты не убьёшь Хейзел.

Эрцгерцог прищурил глаза и неохотно ответил:

— Хорошо.

— Она хорошо заботилась о нас. Скажи спасибо.

Теперь, следуя за бровями, даже его глаза сузились.

— Почему?

Пока Луна спорила снова и снова, Эрцгерцог бросил на меня острый взгляд и приветствовал меня вздохом.

— Позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы спасли моих брата и сестру.

В конце концов Эрцгерцог вышел из хижины с детьми, по одному в каждой руке, которые всё ещё не могли идти по его стопам.

— Подождите!

Когда я выбежала на улицу, солдаты преградили мне путь копьями.

— Это для детей. Возьмите.

В моих руках была куча детской одежды, обуви, игрушек и печенья, которое я испекла.

Эрцгерцог, который закрывал дверь вместе с детьми в карете, подошёл ко мне. Когда я протянула ему предметы, его глаза расширились от недоверия.

— Что-то вроде особой вещицы ведьмы…

Что ж, конечно, Герцог имеет дело только с самыми лучшими вещами. Вещи, которые я покупала, были дешёвыми по сравнению с его вещами.

Независимо от того, что эти вещи были не вашего уровня и вкуса, малышам они очень понравились.

Пока я тупо стояла, как идиотка, Эрцгерцог тихим голосом пригрозил мне.

— Если обнаружится, что ты применила грязную магию к моим брату и сестре, даже мольба этих детей не смогут спасти тебе жизнь.

Выплюнув такие слова, Эрцгерцог холодно обернулся.

Я проглотила слёзы и подняла голову. Я не могла показать слёзы детям, которые всё ещё плакали в окошке кареты. Я улыбнулась, делая вид, что всё в порядке, и помахала рукой.

— Вы должны быть здоровыми и хорошими. Большое вам спасибо…

Прежде чем я успела поблагодарить вас за то, что вы сделали мою одинокую жизнь такой шумной, карета уехала.

Сегодня вечером я собиралась приготовить тушёную говядину, которую так любили дети.

Завтра я собиралась на ферму, чтобы купить домашнего кролика.

Обещания, которые я не сдержала людям, которые уходят прочь от меня.

Разве я не смогла избежать ситуации бесконечного наблюдения за спинами тех, кто оставил меня тут?

Возможно, это я, а не дети, жаждала любви. Наблюдая, как экипажи и процессия солдат становятся всё меньше и меньше, я услышала шорох у своих ног.

Внезапно Леди и Дейзи приблизились.

[Ты в порядке?]

Спросила Леди с обеспокоенными глазами. Я схватила кучу детских вещей, вытерла глаза рукавом и кивнула.

— Всё в порядке.

Каретка, которая была размером с ноготь, в конце концов превратилась в точку и исчезла.

— Всё будет хорошо.

Дети исчезли так же быстро, как и появились в моей жизни.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/68205/1841714